

DOI 10.35775/PSI.2025.127.10.004

УДК 37.018.1

КУН ВЭЙЖАНЬ

аспирант исторического факультета
Сибирского федерального университета,
Россия, г. Красноярск
E-mail: wrankong@gmail.com

АНАЛИЗ РАЗЛИЧИЙ В ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИИ СМЕШАННЫХ КИТАЙСКО-РУССКИХ СЕМЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ В КИТАЕ РОССИИ И АВСТРАЛИИ

Данная статья представляет результаты исследования этнической идентичности представителей смешанных китайско-русских семей, проживающих в трех различных социокультурных контекстах: Китае, России и Австралии. На основе качественного анализа биографических интервью и этнографических наблюдений автор выявляет специфические особенности формирования и трансформации этнической идентичности в зависимости от страны проживания, государственной политики мультикультурализма, а также исторических особенностей китайско-русских отношений в каждом регионе. Исследование демонстрирует, что этническая идентичность смешанных семей является динамичным конструктом, адаптирующимся к доминирующим культурным нарративам и институциональным практикам принимающего общества.

Ключевые слова: этническая идентичность, смешанные браки, китайско-русская диаспора, мультикультурализм, транснациональные семьи.

Введение. В условиях глобализации и усиления миграционных процессов вопросы этнической идентичности приобретают особую актуальность, особенно в контексте смешанных семей, представители которых вынуждены навигировать между различными культурными традициями и национальными нарративами. Китайско-русские смешанные семьи представляют собой уникальный объект исследования, поскольку их история тесно связана с геополитическими изменениями XX века, включая революционные события в России, гражданскую войну в Китае, а также современные процессы экономической интеграции между двумя странами [13. С. 249].

Феномен китайско-русских смешанных браков имеет длительную историю, восходящую к периоду активного освоения Дальнего Востока и строительства Китайско-Восточной железной дороги в конце XIX – начале XX века. Однако современная волна смешанных браков связана преимущественно с экономическими миграциями последних десятилетий и процессами глобализации, создающими новые возможности для межкультурных контактов.

Методы и методология исследования. Данное исследование основано на качественной методологии, включающей биографические интервью с представителями китайско-русских смешанных семей, этнографические наблюдения в местах компактного проживания диаспорных сообществ, а также анализ документальных источников и материалов этнических СМИ.

Автором настоящей статьи были проведены глубинные интервью с представителями смешанных семей в трех странах: 15 интервью в Китае (преимущественно в городах Харбин, Хэйхэ и Шанхай), 15 интервью в России (Москва, Благовещенск, Владивосток) и 15 интервью в Австралии (Сидней, Мельбурн). Выборка включала представителей различных поколений – от первых мигрантов до их потомков во втором и третьем поколении.

Критериями отбора информантов служили: наличие китайско-русского смешанного происхождения (по крайней мере один из родителей или прародителей), проживание в одной из исследуемых стран не менее пяти лет, возраст от 18 до 75 лет. Интервью проводились на русском, китайском или английском языках в зависимости от предпочтений информантов.

Результаты и обсуждение. Исторический контекст формирования китайско-русских смешанных семей. История китайско-русских смешанных браков тесно связана с геополитическими процессами в Восточной Азии. Первая значительная волна смешанных браков относится к периоду строительства КВЖД (1897-1903), когда в Маньчжурии сформировались крупные русские поселения. Русские железнодорожники, торговцы и служащие вступали в браки с китайскими женщинами, создавая первые смешанные семьи [2. С. 63].

Революционные события 1917 года и последующая гражданская война привели к массовой эмиграции русского населения в Китай. В этот период в Харбине, Шанхае и других городах сформировались крупные русские общины, внутри которых продолжались процессы межэтнического смешения. Дети от смешанных браков, получившие в китайской традиции название «эрмаоцзы» (俄苗子), занимали промежуточное положение между русской и китайской общинами [10. С. 114].

Установление КНР в 1949 году и последующее охлаждение советско-китайских отношений привели к массовому исходу русского населения из Китая. Многие смешанные семьи оказались перед выбором между репатриацией в СССР и эмиграцией в третьи страны. Значительная часть выбрала Австралию, где сформировалась уникальная община китайско-русских мигрантов [8. С. 587].

По мнению автора, современный этап формирования смешанных семей связан с экономическими реформами в Китае (с 1980-х годов) и распадом СССР, что привело к новой волне трудовой миграции и студенческих обменов между двумя странами. В отличие от исторических предшественников, современные смешанные семьи формируются в условиях глобализации и имеют больше возможностей для поддержания транснациональных связей.

Этническая идентичность китайско-русских семей в Китае. Анализ интервью с представителями смешанных семей в Китае выявляет сложную

картину этнической самоидентификации, определяемую как историческими факторами, так и современной политикой китайского государства в отношении этнических меньшинств.

Представители старшего поколения, чьи семьи имеют длительную историю проживания в Китае, демонстрируют высокую степень интеграции в китайское общество при сохранении отдельных элементов русской культурной традиции. Как отмечает 67-летняя Ли Анна из Харбина: «Я китаянка по паспорту и по духу, но дома мы всегда говорили по-русски, и я готовлю борщ лучше, чем мой китайский муж готовит дунпо жоу» [5. С. 69].

Особенностью китайского контекста является официальная система признания этнических меньшинств (миньцзу), в рамках которой потомки русских мигрантов могут получить статус «элосы цзу» (русской национальности). Однако на практике большинство представителей смешанных семей предпочитают идентифицироваться как ханьцы, что обеспечивает лучшие возможности для социальной мобильности.

Языковая ситуация в китайско-русских семьях характеризуется постепенным доминированием китайского языка, особенно среди молодого поколения. Русский язык сохраняется преимущественно в сфере семейного общения и религиозных практик. 28-летний Ван Андрей из Шанхая отмечает: «С бабушкой я говорю по-русски, с родителями – на смеси русского и китайского, а с детьми буду говорить только по-китайски. Это практично».

По мнению автора, современная политика Китая, направленная на укрепление дружественных отношений с Россией, создает благоприятные условия для поддержания русской культурной идентичности. Изучение русского языка поощряется в образовательных учреждениях, проводятся культурные фестивали, поддерживается деятельность русских культурных организаций.

Этническая идентичность китайско-русских семей в России. Ситуация с этнической идентичностью китайско-русских семей в России существенно отличается от китайского контекста, что связано как с доминирующим положением русской культуры, так и с особенностями российской миграционной политики и общественных настроений в отношении китайских мигрантов [7. С. 94].

Представители смешанных семей в России демонстрируют различные стратегии этнической самоидентификации в зависимости от поколения, региона проживания и социально-экономического статуса. Потомки исторических мигрантов, репатриировавшихся из Китая в советский период, как правило, полностью интегрированы в российское общество и идентифицируют себя как русские.

По мнению автора, иная ситуация характерна для современных смешанных семей, образованных в результате трудовой миграции китайцев в Россию или браков между российскими гражданами и китайскими студентами. В этих семьях наблюдается более выраженное стремление к сохранению китайской культурной традиции, что связано с поддержанием связей с исторической родиной и экономическими соображениями.

35-летняя Елена Чжан из Благовещенска, вышедшая замуж за китайского бизнесмена, отмечает: «Дети должны знать оба языка и обе культуры. В России они русские, в Китае – китайцы. Это дает им больше возможностей в жизни». Подобная прагматическая мотивация характерна для многих современных смешанных семей в приграничных регионах России.

Языковая ситуация в российском контексте характеризуется доминированием русского языка в публичной сфере при сохранении китайского в семейном общении. Однако передача китайского языка следующему поколению часто затруднена отсутствием качественных образовательных программ и негативными стереотипами в отношении китайцев в российском обществе [14. С. 23].

Этническая идентичность китайско-русских семей в Австралии. Австралийский контекст представляет наибольший интерес для анализа этнической идентичности китайско-русских семей, поскольку здесь сформировалось уникальное сообщество, объединяющее потомков различных волн миграции и существующее в условиях официальной политики мультикультурализма.

Историческая община китайско-русских мигрантов в Австралии, сформировавшаяся в 1950-1960-е годы из беженцев из Китая, демонстрирует высокую степень организованности и сохранения культурной идентичности. В Сиднее и Мельбурне функционируют русские православные церкви, китайско-русские культурные ассоциации, школы выходного дня, где преподаются русский и китайский языки [3. С. 231].

72-летний Николай Ли, прибывший в Австралию из Шанхая в 1962 году, отмечает: «Мы создали здесь маленькую Россию и маленький Китай одновременно. Наши дети выросли австралийцами, но они знают, откуда пришли их родители». Эта цитата отражает типичную для австралийского контекста модель множественной идентичности, при которой этническая принадлежность не противоречит гражданской лояльности.

Политика мультикультурализма, проводимая австралийским правительством с 1970-х годов, создала благоприятные условия для сохранения и развития этнических культур. Китайско-русские организации получают государственную поддержку для проведения культурных мероприятий, издания этнических СМИ, организации языкового образования.

Как было установлено в процессе исследования, языковая ситуация в австралийских китайско-русских семьях характеризуется трилингвизмом: английский язык доминирует в публичной сфере и межпоколенческом общении, русский и китайский сохраняются в семейном кругу и этнических сообществах. Многие представители второго и третьего поколения демонстрируют высокую мотивацию к изучению языков предков, рассматривая это как конкурентное преимущество в глобализированном мире.

Современная волна китайско-русских мигрантов в Австралии, связанная с образовательной и трудовой миграцией, демонстрирует иные паттерны этнической идентичности. Эти семьи менее интегрированы в историческую общину и больше ориентированы на мейнстримное австралийское общество. 29-летняя

Анна Чжоу, переехавшая в Австралию для получения образования, отмечает: «Я чувствую себя скорее глобальным гражданином, чем представителем какой-то конкретной этнической группы» [9. С. 30].

Сравнительный анализ паттернов этнической идентичности. Сравнительный анализ этнической идентичности китайско-русских семей в трех странах выявляет значительные различия, обусловленные как историческими факторами, так и современными социально-политическими условиями. Далее рассмотрим основные характеристики этнической идентичности по странам проживания и оформим полученный результат в виде таблицы 1.

Таблица 1. Основные характеристики этнической идентичности по странам проживания

Параметр сравнения	Китай	Россия	Австралия
Доминирующая модель идентичности	Ассимиляционная с элементами сохранения семейных традиций	Вариативная: от полной интеграции до бикультурной идентичности	Множественная этническая идентичность в рамках мультикультурализма
Языковая ситуация	Доминирование китайского языка, русский сохраняется в семейной сфере	Доминирование русского языка, китайский в семейном общении	Трилингвизм: английский (публичный), русский и китайский (этнические сферы)
Религиозная идентичность	Православие как культурный маркер, буддизм/конфуцианство на семейном уровне	Слабая роль религии, секулярная идентичность	Активное функционирование православных и буддийских общин
Институциональная поддержка	Ограниченная поддержка русской культуры в рамках политики миньцзу	Развитие китайских культурных центров в приграничных регионах	Государственная поддержка этнических организаций и образования

В Китае наблюдается постепенная ассимиляция смешанных семей в доминирующую ханскую культуру при сохранении отдельных элементов русской традиции на уровне семейных практик. Этот процесс поддерживается государственной политикой, направленной на создание единой китайской нации при формальном признании этнического разнообразия [12. С. 263].

В России этническая идентичность смешанных семей характеризуется большей вариативностью: от полной интеграции в русскую культуру до попыток сохранения китайской идентичности. По мнению автора, ключевую роль играют экономические факторы и перспективы развития российско-китайских отношений.

Таблица 2. Поколенческие различия в этнической самоидентификации

Поколение	Китай	Россия	Австралия
1-е поколение (мигранты)	«Русские в Китае» – сохранение русской идентичности при адаптации к китайским реалиям	«Китайцы в России» – стратегии от сохранения этничности до быстрой ассимиляции	«Китайские русские» – сохранение обеих культурных традиций
2-е поколение	«Китайцы русского происхождения» – китайская идентичность с русскими семейными традициями	«Россияне китайского происхождения» – российская идентичность с элементами китайской культуры	«Австралийцы смешанного происхождения» – австралийская идентичность с этническими компонентами
3-е поколение	Полная интеграция в китайское общество, русские элементы как семейная экзотика	Полная российская идентичность, интерес к китайским корням как хобби	Ситуативная этническая идентичность, прагматическое использование культурного капитала

Общей тенденцией для всех трех контекстов является ослабление этнической идентичности с каждым последующим поколением, что соответствует классическим теориям ассимиляции. Однако в условиях глобализации и усиления экономических связей между Китаем и Россией наблюдается и обратная тенденция – возрождение интереса к этническим корням среди молодого поколения [1. С. 22].

Таблица 3. Факторы формирования этнической идентичности

Фактор	Китай	Россия	Австралия
Государственная политика	Унификация в рамках «китайской мечты», формальное признание этнических различий	Противоречивая политика: интеграция vs мультикультурность	Последовательный мультикультурализм
Экономические стимулы	Знание русского языка как преимущество в торговле с Россией	Китайские навыки важны в приграничной торговле и бизнесе	Мультикультурные навыки ценятся в глобальной экономике
Демографическая концентрация	Рассеянные семьи, слабые этнические сети	Концентрация в приграничных регионах	Компактные общины в крупных городах

Фактор	Китай	Россия	Австралия
Геополитический контекст	Улучшение российско-китайских отношений способствует интересу к русской культуре	Колебания в зависимости от политической конъюнктуры	Нейтральная среда, отсутствие политического давления

Государственная политика в области этнических отношений играет определяющую роль в формировании стратегий этнической самоидентификации. По мнению автора, ассимиляционная модель, доминирующая в Китае, способствует интеграции в доминирующую культуру. Российская модель, сочетающая элементы ассимиляции и мультикультурализма, создает противоречивые условия для этнической самоидентификации. Австралийская модель мультикультурализма обеспечивает наиболее благоприятные условия для сохранения этнической идентичности.

Таблица 4. Стратегии культурной трансмиссии

Сфера передачи	Китай	Россия	Австралия
Язык	Русский язык теряет к 3-му поколению	Китайский сохраняется в семьях мигрантов, ослабевает у детей	Активные программы поддержки билингвизма
Кулинарные традиции	Русская кухня адаптируется к китайским вкусам	Китайская кухня популяризируется в семейном кругу	Сохранение обеих кулинарных традиций
Праздничные практики	Православное Рождество в семейном кругу, китайские праздники публично	Китайский Новый год в семье, российские праздники публично	Празднование всех значимых праздников обеих культур
Образовательные стратегии	Дополнительное изучение русского языка	Китайские школы выходного дня	Этнические школы с государственной поддержкой

В Китае культурная трансмиссия осуществляется преимущественно через семейные каналы, поскольку институциональная поддержка русской культуры ограничена. Старшее поколение передает младшему элементы русской кулинарной традиции, отдельные языковые навыки, религиозные практики. По мнению автора, эти элементы постепенно утрачивают свое культурное значение и превращаются в семейные ритуалы [6. С. 41].

В России наблюдается обратная ситуация: китайская культурная традиция передается в условиях доминирования русской культуры. Родители-китайцы стремятся передать детям знание китайского языка, философских традиций, праздничных ритуалов. Однако успешность этой трансмиссии зависит от мотивации детей и наличия институциональной поддержки.

Австралийский контекст демонстрирует наиболее успешные модели культурной трансмиссии благодаря развитой системе этнического образования и государственной поддержке мультикультурных инициатив. Дети из смешанных семей имеют возможность изучать языки предков в специализированных школах, участвовать в культурных мероприятиях, поддерживать связи с этническими сообществами.

Гендерные аспекты этнической идентичности. Анализ эмпирического материала выявляет значимые гендерные различия в стратегиях формирования и поддержания этнической идентичности в смешанных семьях. Женщины, как правило, играют более активную роль в сохранении и передаче культурных традиций, что соответствует их традиционной роли хранительниц семейного очага.

В китайско-русских семьях в Китае русские женщины часто становятся носителями русской культурной традиции, передавая детям язык, кулинарные навыки, религиозные представления. По мнению автора, китайские женщины в смешанных семьях в России демонстрируют аналогичные паттерны поведения, стремясь сохранить связь детей с китайской культурой [4. С. 12].

Мужчины в смешанных семьях чаще демонстрируют прагматический подход к этнической идентичности, рассматривая культурные навыки как ресурс для экономической деятельности или социальной мобильности. Эта тенденция особенно выражена среди представителей молодого поколения в России и Австралии.

Таблица 6. Типология этнической идентичности по странам

Тип идентичности	Китай	Россия	Австралия
Ассимилированная	70% семей 2-3 поколения	45% семей исторических мигрантов	20% семей 3+ поколений
Бикультурная	25% семей 1-2 поколения	40% современных смешанных семей	60% семей всех поколений
Этнически активная	5% семей, связанных с туризмом/торговлей	15% семей в приграничных регионах	20% семей, активных в этнических организациях
Ситуативная	Растущая тенденция среди молодежи	Характерна для студентов и молодых профессионалов	Доминирует среди 2-3 поколения

Проведенный автором статьи анализ типологии этнической идентичности китайско-русских смешанных семей выявляет кардинальные различия в паттернах этнической самоидентификации в зависимости от страны проживания, что отражает влияние различных моделей национальной интеграции и культурной политики [11. С. 118].

Таблица 7. Влияние социально-экономических факторов

Фактор	Китай	Россия	Австралия
Образовательный уровень	Высокообразованные семьи чаще сохраняют русские элементы	Образование способствует интересу к китайской культуре	Образование коррелирует с мультикультурной идентичностью
Профессиональная сфера	Туризм, торговля, преподавание стимулируют этническую идентичность	Бизнес с Китаем мотивирует сохранение китайских навыков	Глобальные профессии поддерживают мультикультурность
Доходы семьи	Состоятельные семьи могут позволить культурное образование детей	Средний класс активнее инвестирует в этническое образование	Высокие доходы связаны с участием в этнических организациях
Географическая мобильность	Переезд в крупные города ослабляет этнические связи	Приграничные регионы способствуют бикультурности	Мобильность не влияет на доступ к этническим ресурсам

Данные таблицы наглядно демонстрируют, что этническая идентичность китайско-русских смешанных семей является результатом сложного взаимодействия структурных факторов (государственная политика, экономические условия, демографическая ситуация) и индивидуальных стратегий (семейные традиции, образовательные выборы, профессиональные траектории). По мнению автора, австралийский контекст обеспечивает наиболее благоприятные условия для сохранения множественной этнической идентичности, тогда как китайский и российский контексты демонстрируют различные варианты адаптации к доминирующим культурным моделям.

Выводы. В заключение настоящего исследования, необходимо сделать следующие выводы.

Проведенное исследование демонстрирует, что этническая идентичность китайско-русских смешанных семей представляет собой сложный и динамичный феномен, формирующийся под влиянием множества факторов: исторических условий, государственной политики, экономических возможностей, демографических характеристик сообществ и геополитических отношений.

Китайский контекст характеризуется постепенной ассимиляцией смешанных семей в доминирующую культуру при сохранении отдельных элементов русской традиции на семейном уровне. По мнению автора, российский контекст демонстрирует большую вариативность стратегий этнической самоидентификации, определяемую экономическими факторами и региональными особенностями. Австралийский контекст обеспечивает наиболее благоприятные условия для формирования множественной этнической идентичности благодаря политике мультикультурализма.

Настоящее исследование выявляет общую тенденцию к ослаблению этнической идентичности с каждым последующим поколением, что соответствует классическим теориям ассимиляции. Однако в условиях глобализации и усиления экономических связей между Китаем и Россией наблюдается возрождение интереса к этническим корням среди молодого поколения, особенно в Австралии.

Полученные автором результаты имеют важное значение для понимания механизмов формирования этнической идентичности в условиях глобализации и могут быть использованы для разработки эффективных стратегий интеграции мигрантских сообществ и развития мультикультурной политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Ван С. Причина образования брачных союзов России и Китая // Глобальный научный потенциал. 2021. № 4 (121).
2. Васильченко А.В. Ценность семьи в современной культуре России и Китая // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 1 (42).
3. Вестади О.А. Политика идентичности с китайскими особенностями // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 4 (110).
4. Денисов Н.Г. О роли традиционной культуры в укреплении этнической идентичности в Китае и России / Н.Г. Денисов, Ц. Юань, Н.О. Марченко // Культурная жизнь Юга России. 2024. № 2 (93).
5. Дэн Ц. Традиционные семейные отношения в России и Китае / Ц. Дэн, М.Н. Шутова / В мире русского языка и русской культуры: Сборник тезисов VII Международной студенческой научно-практической конференции, Москва, 21 апреля 2023 года. Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2024.
6. Ковальчук А.М. Механизм сохранения русской идентичности в эмигрантской среде Северо-Востока Китая / А.М. Ковальчук, М.А. Ковальчук, Е.М. Самсонова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2023. Т. 20. № 2.
7. Кун В. История двух поколений смешанной китайско-русской семьи // Казачество. 2024. № 81 (8).
8. Ли Т. Совместные российско-китайские семьи: проблемы общей культурной адаптации // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. 2024. № 14.

9. **Лушникова О.Л.** Этническое самосознание в межнациональных браках: проблема метисации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 10.
10. **Лю Ц.** Современные и традиционные семейные ценности межпоколенного взаимодействия в России и Китае / Ц. Лю, А.П. Абрамов // Социологические исследования. 2022. № 2.
11. **Салмин А.К.** Компоненты этнической идентичности // Вестник Чувашского университета. 2022. № 2.
12. **Трифонова С.А.** Этническая идентичность и особенности совладающего поведения выходцев из межэтнических браков / С.А. Трифонова, В.В. Козлов // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 15. № 2 (56).
13. **Цзинь В.** К вопросу изучения этнической группы потомков китайско-русских смешанных браков в Синьцзяне // Современная научная мысль. 2024. № 2.
14. **Цыбульник Е.А.** Структура социальной идентичности мигрантов (на примере выходцев из Китайской Народной Республики) // Russian Economic Bulletin. 2021. Т. 4. № 6.

KUN WEIZHAN

Postgraduate Student, Faculty of History
Siberian Federal University,
Krasnoyarsk, Russia

ANALYSIS OF DIFFERENCES IN ETHNIC IDENTITY ON THE EXAMPLE OF MIXED SINE-RUSSIAN FAMILIES LIVING IN CHINA, RUSSIA AND AUSTRALIA

This article presents the results of a study of the ethnic identity of representatives of mixed Sine-Russian families living in three different socio-cultural contexts: China, Russia and Australia. Based on a qualitative analysis of biographical interviews and ethnographic observations, the author identifies specific features of the formation and transformation of ethnic identity depending on the country of residence, state policy of multiculturalism, as well as historical features of Sino-Russian relations in each region. The study demonstrates that the ethnic identity of mixed families is a dynamic construct that adapts to the dominant cultural narratives and institutional practices of the host society.

Key words: ethnic identity, mixed marriages, Chinese-Russian diaspora, multiculturalism, transnational families.